

Николай растерялся. Стал извиняться, объяснять, что ошибся дверью. Мужчина не верил, раздраженно уточнял что-то. Пришлось рассказать про сестру и про бабочку.

Тогда мужчина велел вздорной женщине спать. Что человек о нас подумает. Она обиженно отвернулась к перегородке купе. А муж достал початую бутылку коньяка.

На следующее утро не выспавшийся Николай расстегнул сумку с подарками сестры и ее родственников. Среди сувениров, сладостей и платков увидел какую-то книгу. Достал ее. Прочитал название: «Самоучитель армянского языка».

Позже, в Москве, уходя из вагона, он забудет его в купе. Самоучитель еще долго потом будет колесить по стране вместе с разными проводницами, пассажирами. А когда исчезнет куда-то, как исчезает со временем все на свете, на это никто не обратит внимания.

...Однажды восьмидесятилетний Николай медленно спустился со своего второго этажа за газетой.

Когда вынул из почтового ящика «Московский Комсомолец», кто-то сильный, грубый сжал его сердце крепкой пятерней.

Николай замер. Отпустил газету назад, в ящик. Сделал шаг. И вдруг оступился.

Он оступился, и сестра схватила его за руку.

ЕС ТРАБЗОНЦИЕМ[‡]: ВСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОТОМКА ЖЕРТВ ГЕНОЦИДА СТО ЛЕТ СПУСТЯ

Тер ДАНИЭЛ КУКУЯН
Настоятель храма Св. Саака и Св. Месропа,
Кубанский ГУ
г. Краснодар

Есть на южном побережье Черного моря древний город с богатой историей. Довелось ему быть даже столицей маленькой империи, а ныне это провинциальный центр на северо-востоке Турецкой Республики. Трабзон – город, в котором сто лет назад пролилась моя еще не родившаяся кровь. Семья моей бабушки по отцу жила в этом городе в полном достатке, занималась заготовкой и продажей орехов. У моего прадеда Тороса, имени прабабушки не знаю, было три сына – Симон, Ншан (память не дает возможности установить, кто из них был старше), младший Заре и две дочери: Искуи – моя мецмайрик (бабушка, на нашем диалекте) и Заруи (мецмайрик Заруи).

Моя мецмацрик Искуи вышла замуж за трабизонца, который к тому времени был уже гражданином России, жил в Батуми, и уехала к мужу. Заре еще в 1905 году при романтических обстоятельствах покинул Османскую империю. В Трабизундском лимане (порту) стояло судно, направляющееся в Россию. Едва забрезжил рассвет, в самое сонное время суток, Заре вплавь добрался до якорной цепи и по ней проник внутрь судна. Ему пришлось проявить чудеса ловкости, пролезая через якорное отверстие. Едва дедушка Заре пролез, присел и закурил, как якорь стали выбирать. Начнись движение якорной цепи минутой раньше, и Заре никогда не стал бы дедушкой и спасителем многих обездоленных после 1915 года сирот. Проработав всю жизнь сапожником, он умер в 1949 году в Краснодаре, и на могиле его так и написано «Защитнику сирот». Скольких лишенных семьи и детства лихолетьем 1915 года, стоявших на краю гибели,

[‡] Дается в авторской версии

он собрал под крышу своего дома и спас, теперь и не счесть... Сохранились фото-портреты его старших братьев Симона и Ншана. Они навсегда остались красивыми молодыми мужчинами, ушедшими с их родителями, многочисленными родственниками, соседями и друзьями в Лету, в ту страшную весну, которая по словам поэта, стала зимою...

Сын Ншана, Седрак, одичавший, грязный, был извлечен из приюта дядей Заре и, прожив долгую жизнь, умер в Москве в весьма солидном возрасте. Другой спасенный им племянник, Оксен, в 30 лет смог выехать в США и обосновался не то в Филадельфии, не то в Бостоне, следы его, к сожалению, потеряны.

Родная сестра моей мецмайрик – мецмайрик Заруи прошла все круги ада и была вместе с двумя двоюродными сестрами Мариам и Азадуи спасена одним зажиточным турком, который выдавал их за своих жен, а ее просто прятал, рискуя своим положением, а может быть, и большим. Позже он предложил на выбор; хотите, оставайтесь, примите ислам и станете действительно моими женами (видимо, он жил еще старыми османскими традициями и не ведал грядущих перемен), а если нет, я отведу вас в порт и оплачу путешествие на пароходе. В порту стояли три судна: американское, французское и русское. Заруи – старшая, выбрала русское, так как в России уже жили ее брат и сестра. Так, спасенные от ужасов 1915 года, они направились навстречу своей судьбе. В нашей семье часто вспоминали этого благородного и мужественного человека. Когда мецмайрик Азадуи было уже 76 лет, я побудил ее рассказать о тех страшных событиях, чтобы записать на пленку. Помню, как ее воспоминания прерывались горькими рыданиями, когда она рассказывала о том, как в последний раз виделась со своими родителями. Мама ругала меня за мою затею, а я, кусая губы, записывал:... «Нас вели колонной по узкой тропинке и вдруг всех остановили и солдаты начали отделять детей от родителей. Мой младший брат вырывался из рук солдат, и офицер сказал: «Пусть гяур остается с матерью». Мне было пять лет, я стояла в стороне и смотрела на них, помню, я была одета в красивую курточку с нагрудными карманами, папа быстро подошел ко мне и положил в каждый карман по золотой монете, шепнув: «Пригодится»... и быстро отошел, чтобы я не привязалась к нему, как брат. Колонна тронулась, мы остались. Я смотрела, как они уходили. Вот они повернули за выступ горы, и больше я ни когда не видела своих родителей и брата»... Много позже она рассказала, что попала в приют, где ее нашел тот человек, о котором я уже говорил.

У трагедии много оттенков. Мамочка поведала мне другую историю о том, что, когда она была маленькая, на хуторе, который когда-то принадлежал ее отцу, моему деду Аракелу, жил его младший брат Давид. Сам дедушка Аракел еще в конце 19 века на углу суденышке нелегально перебрался в порт Анапу, в Россию, и резня его миновала. А вот младший брат Давид пришел из ада и замолчал, навсегда. Дни проводил уединенно; работал ли, ел ли или отдыхал – все делал молча, неспешно и с каким-то отчужденным любопытством: «Нужно ли, мол, то, что я сейчас делаю»? Часто подолгу сидел он у стога сена и, оперевшись на него спиной, смотрел вдаль. Детвора подтрунивала над ним, бросала в него маленькие камешки, но дядя Давид оставался равнодушным и не как на это не реагировал. Много позже мама узнала его историю: когда начался Ужас и волны его приблизились к деревне, где жил Давид, семья его оказалась в сложнейшем положении. С одной стороны – прикованная к кровати недвижимая жена и ее (а может быть, его, тогда это моя прабабушка, теперь не установить) пожилая мать, с другой – малютка Такуи – дочка. «Давид, – сказала пожилая женщина. – Бери дочку и уходите в Россию, а за твоей женой я присмотрю». Дочку дедушка Давид спас, но больше ни когда не видел жену и мать (тещу) и ни когда больше не проронил ни слова. И это не трагический фильм с оптимистическим концом «Наапет», прекрасно сыгранный Сосом Саркисяном. Это один из живых корней древа моей жизни.

Однако меня больше привлекла другая история, услышанная мною в детстве. Наш дальний родственник, в юном возрасте потерявший семью, прибил к отряду армянских фидаинов (партизан), организовавших сопротивление турецкой войне и нападавших в ответ на турецкие села. «В моей голове всегда звучали слова моей первой жертвы – турецкого муллы. В деревне, которую мы захватили, стоял стон и плач, мольбы о пощаде и только он был спокоен: «На все воля Аллаха. Мы были жестоки по отношению к ним, и они имеют право ответить нам тем же», – с этими словами мулла расправил свою длинную бороду и спокойно положил голову на плаху. Это была моя первая жертва. Я умылся его кровью», – рассказывал дядя Хорен о своей далекой жестокой юности, которая, однако, удивительным образом не ожесточила его сердце в дальнейшей жизни. Не меньше тронула меня и другая история сопротивления, ее рассказал мне двоюродный дядя Ваан Кесьян. Черные тучи уже висели над Турцией и зло ширило свои пределы. Однако мама дяди Ваана (имя ее не сохранила моя память), которому в то время было 15 лет жила спокойно. Соседи, друзья; армяне, турки, все свои знали ее как активную, доброжелательную женщину, и она была уверена, что сообщая все вместе они переживут надвигающееся лихолетье. И вот в один из обычных дней к ней зашла соседка турчанка. Сына дома не было, бойкий мальчик он убежал по делам. Поговорили о том о сем, турчанка поинтересовалась, будет ли она дома или куда уходит и, удостоверившись, что хозяйка никуда не собирается, сказала, что сейчас выйдет и вернется через несколько минут. Неожиданная тревога пронзила сердце опытной охотницы, на равных с мужчинами стрелявшей дичь. Оглянувшись по сторонам, она быстро спряталась в большой поленице дров, стоявшей под навесом. Едва она замаскировалась, как во двор вошла «добрая» соседка с солдатами: «Где эта армянка?» – «Да тут была, далеко уйти не могла». Осмотрели дом, двор, а поленицу осмотреть не сообразили. «Ушла! Ты ее упустила!» – «Подождем, – оправдывалась турчанка, – скоро сын придет, тогда и она появится». Действительно, через время во двор вбежал ничего, не подозревающий Ваан и тут же был схвачен. Мать видела все это сквозь щели в дровах, но мужественно терпела.

Поздно ночью она выбралась из поленицы, забрала из дома ружье и патроны, которые турки легкомысленно оставили, и скрылась в лесу. Через два дня, сидя на дереве, нависавшем над лесной дорогой, она увидела несколько повозок, набитых армянами, в сопровождении турецких солдат. В одной из них она увидела сына и молча перекрестила его, прощаясь с ним, как она думала, навсегда. Позже присоединилась к одному из отрядов фидаинов и вершила с ними свой суд над турками. Когда все кончилось, она перебралась в Россию и осела в Крыму. Ваан тем временем с другими пленниками оказался в незнакомом селе, где их всех собрали и повели ночью на расстрел. Турки не скрывали, ведут их узкой тропинкой: с одной стороны, отвесная скала, с другой пропасть, к месту где расстреляют, а то и, экономя патроны, просто столкнут в пропасть. Луна то появлялась, то скрывалась в облаках, колонна растянулась извилистой лентой вдоль обрыва, охранники были только впереди и сзади. Ваан, достойный сын своей матери, шепнул впереди идущему другу: «Прыгнем?» – «А хуже не будет?» – откликнулся тот. Ваан усмехнулся и резко дернул друга за рукав. Они полетели во тьму.

Вслед раздались беспорядочные выстрелы, не достигавшие цели. «Проклятые, глупые гяуры, разбились. Туда им и дорога». Однако ободренные, в садинах подростки уцелели и, присоединившись к отряду фидаинов, мстили за убиенных товарищей. После окончания ужаса, дядя Ваан тоже оказался в России. Однако с мамой встретился только после Великой войны. Она, пройдя еще сталинские депортации, каким – то чудом узнала, что сын ее жив и живет в Сочи, там они и встретились. Я восхищался мужеством фидаинов, которые не соглашались гибнуть, как безмолвные овцы. Боль и ненависть долго жили в моем сердце. И даже спасший моих бабушек турок, не утешил

меня. Я жаждал победоносного мщения. Пройдет много, много времени, прежде чем я пойму трагедию не только своего, но и турецкого народа. Мы потеряли более 1, 5 миллионов невинных жизней, весь цвет Константинопольской интеллигенции – и это страшно, а турки обагрили свои руки их невинной кровью, возложив эту тяжесть на плечи своих внуков и правнуков, на еще не родившихся невинных детей, и это еще страшней. Со всей ясностью, полной и окончательностью я понял это в 2003 году, когда приехал в город моих предков, я гулял по улицам Трабзона и вдруг залюбовался красивыми турецкими девчужками 10-11 лет, которые играли на одной из улиц. Я спросил самую бойкую из них, по-английски: «Do you speak English»? Она явно поняла, но отрицательно замотала головой, а я продолжил: «How, old are you»? (Сколько тебе лет). Девочка на пальцах показала мне – «10». Я смотрел на них с радостью, и вдруг сердце мое сжалось, я отошел в сторонку и слезы потекли у меня из глаз. Какие красивые, невинные дети. Они рождены для счастья, но даже не подозревают, какой страшный грех возложили прадеды на их детские плечи. Можно скрывать преступление, можно лгать, что его не было вовсе, можно говорить, что виноваты армяне, не согласившиеся смиренно умирать. Однако невинная кровь взывает к Небесам, «пепел Клааса стучит в сердца потомков убиенных». Но не мщение фидайнов утешит сердца армян. А ПОКАЯНИЕ! Поэтому вот мой призыв к турецким братьям: «Покайтесь! Очистите себя, свой народ, свое прошлое и будущее покаянием! Только так можно выйти из тупика!» Часом спустя я стоял на центральной площади Трабзона «Бююк мейдан» и наблюдал за парадом в честь праздника ветеранов. Пока произносили речи, пока читали стихи и проходил военный парад, все воспринималось мной с ироничным любопытством. Слишком все это напоминало только что ушедшие советские времена в моей стране. Но вот, замыкая военный парад, пошли колеблющимся строем ветераны греко-турецкой войны. Их было мало, они были старыми, а в далеком 1915 году – слишком маленькими, чтобы участвовать в геноциде армян, но они были одеты и вооружены так же, как и их отцы и старшие братья, которые убивали и грабили мою семью, моих родственников, их друзей и соседей. Так были одеты те, кто сопровождал колонны женщин и детей в пустыню смерти Телль Зор. Я смотрел на ветеранов, и в моем сердце закипала обида – мать боли и гнева: «Они живы, их чествуют, чтят их старость, а их ровесники-армяне не имеют даже могил, к которым можно прийти и почтить их память».

Я смотрел на людей и вспоминал слова Католикоса Всех Армян Вазгена I, который, прочитав еще в молодости роман Франца Верфеля «40 дней горы Муса» о сопротивлении армян туркам, сказал: «Я верю, что наступит тот день, когда, прочитав эту книгу, армянский и турецкий мальчики обнимутся над могилами своих предков, обольются слезами и скажут: «Почему наши предки были так жестоки друг к другу?» Я тоже верю, что так будет, хотя на личном опыте знаю – путь к этому тернист и долог. И мне захотелось крикнуть: «Давайте же преодолевать наши страхи и делать шаги навстречу, чтобы наши потомки стали ближе друг к другу!»

Я встал, нашел уединенное место и, глядя на море, начал молиться, прося у Бога всем нам сил для нелегкого труда – любить друг друга...

P.S. Моя старшая дочь уже много лет жила в Америке, когда однажды, во время одного из приездов домой, она сказала: «Папа, мы – армяне странные люди. Вот твои бабушки и дедушки бежали из обездоленной турками Западной Армении в Россию. Обжились здесь, дали жизнь детям и внукам, для которых русский язык стал их родным языком, хотя и армянский не был утрачен. А вот твои дети уже собирают чемоданы и едут далеко, обживать другую страну. Как это? Почему?» Ясно, разговор шел не только о нашей семье. Действительно, почему мы мечемся по Миру в поисках Земли Обетованной?

И тут я вспомнил слова Анны Андреевны Ахматовой: «Петербург – это провинция, Москва – это провинция, Париж – это провинция, Лондон – это провинция, Нью Йорк – провинция, Христос – вот Столица»!

Однажды пришел Он незаметно, в отдаленной римской провинции, творил чудеса, дал Свет человеку и был Распят! А ныне грядет, как молния от Востока до Запада. От края Земли и до края! И мы идем по этой Земле, призванные Богом своей жизнью звать к людям: «ПОКАЙТЕСЬ! ГРЯДЕТ ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ! СОТВОРИТЕ ПЛОДЫ, ДОСТОЙНЫЕ ПОКАЯНИЯ»! И не будет уже ни эллина, ни иудея, ни турка, ни армянина, а только ЛЮБОВЬ!

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ ИЛИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГЕРОИ?[§]

Д.М. АКОПЯН

ГБОУ гимназии № 201, г. Москва

Думается, этот вопрос интересует многих из нас. Действительно, стоит ли знать о Петре I или Александре Македонском?

Одни считают, что это ненужная трата времени. Зачем усложнять себе жизнь и утруждать себя знаниями о живших в далекие времена личностях? По их словам, нужно смотреть только в будущее и жить только сегодняшним днем.

Но как глубоко они ошибаются, находясь в неведении. Ведь «в будущее мы входим, оглядываясь на прошлое». Эта фраза принадлежит известному французскому философу Полю Валери, с которым нельзя не согласиться.

Каждый человек должен знать о культуре и исторических личностях, событиях, связанных с его народом. И я причисляю себя к тем, кто уважает и чтит свою историю. По происхождению, я – армянка, и очень горжусь этим. Какой вклад внес наш малочисленный народ в историю человечества... К примеру, именно армяне положили начало Македонской императорской династии и дали ряд известных полководцев и политиков в Византии. Изобретателем крана для воды стал армянин Алекс Манукян, а вакцину против ротавирусной инфекции изобрел доктор Альберт Капикян...

Армяне – один из самых древних народов мира, который славится своим уникальным языком, литературой и историей. Армения стала первым государством, принявшим христианство, и сохранила свою Армянскую Апостольскую Церковь до наших времен.

Однако сколько бед и несчастий выпало на долю армян, которые выжили, несмотря ни на что. Много столетий эта страна подвергалась ужасным испытаниям, таким, как гонения и войны. И все потому, что армяне отказывались предать свою религию, умирая с гордо поднятой головой. Но перейдем к самому трагическому событию в истории армян – геноциду 1915 года. Я неспроста выбрала это событие, ведь вчера – 24 апреля – ему исполнилось 99 лет. Именно в это время, почти сто лет назад, турецкое правительство отдало приказ начать массовую «резню» несчастных христиан на территории Османской империи. Армян, греков и ассирийцев гнали в бескрайние пустыни, где жестоко убивали, не щадя ни детей... ни беременных женщин... ни стариков. В результате Геноцида армян были убиты тысячи людей: более 1 500 000 армян, 800 000 ассирийцев, 500 тысяч греков.... И после этого хоть кто-то осмелится

[§] Материал любезно предоставлен профессором АГПУ им. Х.Абовяна Еленой Сарибековой Мхитарян. – Впервые: «Учительская газета», № 27 (10524), 8 июля 2014 г. Перепечатано с согласия автора.